

Палец страны

Бессмыслин

Бессмыслин Бессмыслин

Палец страны. 1 часть

<https://litres.ru/73879983>

SelfPub; 2026

Аннотация

Альтернативная вселенная мира, где слово «свобода» звучит из уст поэтов только шёпотом и в секретных местах. Книга о людях, что отмечены системой, а значит, уже, считай, полутрупы. Как творчество может развиваться в государстве, где за любое неправильно сказанное слово ставят «метку предателя»?

Артем – всего лишь ещё один палец страны, который пытается жить. Но после полученной «метки предателя» может работать только в старом лагере «Радужка», который косит под советские времена. Куда ещё ниже может упасть Артем и упадёт ли?

В лагере он встречает девочку без руки, которая показывает ему своим примером, что есть другой путь. Но что Артем будет делать с последствиями этого пути?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Бесмыслин

Палец страны. 1 часть

Палец – всего лишь палец. Но лиши человека одного пальца, ему станет тяжелее. Лиши всех пальцев и он умрет. Государство такой же человек. Пальцы можно гнуть как системе захочется; ломать, если тот сопротивляется, и отрубать, если тот не поддается. Но что будет, когда не останется ни одного?

Автор

Глава 1

Лед, холодные кубики бьются о стеклянный стакан звенящим звуком. Руки, рабочие руки, с коротко закатанными белыми рукавами сжимают половинку лайма для сока. Порезать на дольки и добавить в напиток, а после лимона налить шипучей газировки и готово.

– 371 заказ готов! – Громкий, юношеский голос, что уже слегка успел огрубеть то ли от гормонов, то ли от работы, был направлен словно рупор в сторону официантов. Официант быстро взял заказ со стойки.

Готовлю я в закрытую, хоть плюй в заказы, но к счастью я почти никак не взаимодействую с людьми, чтобы была причина плевать им в заказы. Хоть я и бармен, но готовить я

могу исключительно безалкогольные напитки, такой устав, наше заведение не предоставляет такие возможности, а если и предоставляет, то только, если у нас тут свадьба будет, но это вряд ли. Помню случай здесь был, как в этой забегаловке с гордым названием “Ласточка” чуть ли не прикрылась, а все из-за свадьбы какого-то офицера что пронес пистолет и по пьяне застрелил кого-то там по пятому колену со стороны невесты за какие-то «грубые» слова, как те ему тогда показались. После этого свадьбы у нас и не проводились, да и поувольняли всех после этого, обвинив их в этом случае и чуть ли знак предателя родины не набили из-за того, что – «не уследили» – как прокурор говорил. Вот так меня и взяли на эту работу, нужен был срочно бармен, а я на все руки мастер, хотя это только на словах, но не суть, всего пару перепутанных мохито с лимонадом и я уже был как настоящий бармен в свои пятнадцать лет, хотя лучше работодателю этого не знать, однако я думаю он догадывается об этом, поэтому и «прятал» меня резкими отпусками на день-два, когда комиссия приезжала. Люблю эту работу, у нас тут даже одна песенка играет, я ее постоянно напеваю, мол: «я люблю свою работу за иллюзию контроля и не размышлять ради чего я живу»

Она у нас здесь на постоянке играет, наверное одна из немногих песен на нашем русском языке, а не на «вражеском», как его сейчас кличут. Резко рука повесила на магнитик к доске новые три заказа, как обычно, кофе, мохито,

да кисель, неудивительно, выбор у нас невелик из напитков. Официант перебивает мои мысли, явно пытаясь привлечь мое внимание, стуча пальцем по одному из заказов.

– Этот заказ, – он перешел на шепот. – добавь в него алкоголь, водки. – Голос у него четкий и на мое удивление не монотонный как обычно, будто он был и сам рад такой возможности нарушить закон этого места, чтобы разбавить рутину.

– Такими темпами мы скоро вместо воды водку начнем подавать, – шепотом ответил.

– Тихо ты. – Он стоял на месте, ждал, пока я сделаю этот коктейль. Кивок.

Лед, сок лайма, мята (в прошлый раз я ее забыл). Оглянувшись, схватив стакан недоделанного мохито, я быстрым шагом пошел в подсобку, словно крыса, что ищет сыр. Открыл первую полку и увидел бутылки водки и всех сортов другого вида алкоголя. Зачем, если свадьбы больше не проводятся? Думаю, что работодатель все же хочет провести еще свадеб, когда ситуация с офицером уляжется, в официальных документах я уверен этого алкоголя нет, так что мы выпиваем тут иногда с коллегами после работы, но не важно. Водка лилась в стакан хорошо, я не беспокоился о времени, так как официант меня сейчас подменяет, все будет хорошо. Выглядит как самый обычный мохито, перемешал уже вернувшись и официант забрал у меня прямо из рук этот напиток. Еще заказ, сначала сделаю еще одно мохито, а по-

том уже сяду за кофе, не хочу шагать туда-сюда между кофемашиной и барной стойкой. Лед, сок лайма, долька лимона и мя... Шаги, другие шаги, какие-то звонкие, явно другая подошва, такие у нас никто не носит, денег нет попросту на такие. Значит это...

– Здравствуйте, я как могу к вам обращаться? – Офицер стоял выпрямившись во весь рост и смотря на меня сверху вниз с довольным лицом. – А?

– Здравствуйте, а вы кто? Представьтесь, раз уж зашли в гости к нам, – обычная проверка, могу даже дерзить слегка. Потом я увидел официанта за его спиной, что как наказанный ребенок волочился за ним как за оттянутое ухо. Что-то не так. – Простите, я имел в виду я Власов Артем Георгиевич, а вам что угодно, товарищ сержант?

Он сначала опешил от моей дерзости, но быстро размяк и даже подобрел после моих последних слов, но все же взглянув на официанта, который чуть ли не дрожал в его присутствии вспомнил ради чего он здесь. – Вы бармен?

– Да, пошел уже второй месяц как я им тут являюсь.

– Ненадолго, пройдемте за мной. – Он пошел, не дожидаясь моего ответа, как бы подразумевая мое полное послушание. Ну я и пошел. Шаги становились тяжелее, а мне все больше хотелось что-нибудь да потеревить в руках. «это конец», очевидно в чем я виноват, но ему надо разыграть эту сценку для системы.

Улица, свежо по сравнению с душным чуть ли не подваль-

ным помещением кухни.

– Так, пройдемся по списку. Нарушение алкогольного закона, и в вашем случае Власов Артем Георгиевич нарушение закона трудоустройства, – Он нагнулся к нам поближе и уже расплылся в улыбке, обращаясь к нам. – Что делать будет, господа товарищи?

– Решать проблему, что ж поделывать. – Мы оба знаем куда все это ведет, не люблю игры, где я отдаю. – Сколько? – Он отыграл удивление и даже возмущение настолько хорошо даже актеры в кино не играют. – Вы что? Взятку мне предлагаете? Сержанту попрошу заметить. Как вам не стыдно? Так мало, а уже такие мысли! Вот я в вашем возрасте... – Я успел его перебить прежде чем он продолжил этот спектакль на показ.

– Десять тысяч, договорились?

Он продолжал, значит, мало, а больше у меня и нет. – Я в вашем возрасте в футбол с пацанами играл, да маму слушал, неужто за вами мать не следит? Как так можно... – Я перестал его слушать, глянув на официанта, я понял, что и у него тоже пусто, но до него очередь просто не дошла.

– В сухом остатке, вы приговорены по статье обмана государства к метке предателя родины. – Голос его стал холодным, чтобы закрепить его слова словно заказ на магнитик на доске. Метка предателя родины, ее совсем недавно придумали, но уже раздают налево и направо и вот под прицел попал я.

– Неужели никак нельзя по-другому, товарищ сержант?
– Ненавижу молить, но другого не остается, я уже знаю что ничего не поменяю.

– Нет, нет, мой голубчик, государство честно ко всем. Официант, штраф, оплатите здесь, пока я надеваю наручники. – Наручники, холодный металл, завели руки за спину, пока официант судорожно ищет свое спасение в бумажнике и вытаскивает эти оранжевые купюры. Гражданская машина, заднее сиденье, жесткое или я додумываю? Не знаю. Знай он, что я замкадыш, был бы менее бережный со мной, а то возится со мной как с голубем со сломанным крылом, вроде не нужен, а жалко пройти.

Не хочу вспоминать то место.

Глава 2

И вот я теперь работаю с детьми, ну а точнее с пионерами, как их тут зовут, тут все пионеры просто по определению своего нахождения здесь. Как голос из громкоговорителя твердит: “Пионеры - улыбочивые, добрые и послушные, ребята” – он сделал акцент на послушные – “гордость нашей могучей страны”. На самом деле это можно считать за обычный лагерь, который просто ностальгирует по тем временам, когда, как им казалось, «все было хорошо», тут даже стоят в кабинетах фотографии тех времен с красивыми пейзажами и зданиями вместе с ними, что портят любую картинку для меня. Впрочем я мало что увидел на той экскурсии. Для меня было важнее выцепить инструктора и спросить о работе здесь. И вот я здесь младший помощник повара, разношу еду, да приношу ингредиенты для поваров, почти что официант, а я в прошлом, будучи барменом, подрабатывал официантом, подменяя своего коллегу, когда тот был в отъезде, так что это будет легко. Думал я, пока мне не дали три мешка картошки по десять килограмм и сказали нести, не то чтобы тяжело, но спина ноет, словно сверлом по пояснице ездят. В принципе, я не жалуясь, это наверно самый лучший вариант для меня как для “предателя родины”, ведь к сожалению, у таких, как я, выбор не велик, либо убирать говно, либо убирать людей. Мой товарищ, что меняется каждую неде-

лю, явно недоволен, а прошлый был горд быть младшим помощником повара. Пионеры сменяют друг друга на этом месте, это как дежурство. Я тоже числюсь как пионер, но живу отдельно ото всех, что логично, я же по сути не пионер как они, я предатель этого светлого места радостных детей. Детей, что не знают забот, да только по лагерям ездят. Иногда, смотря на компот, похожий на кисель, что здесь подают, я вспоминаю мой дорогой бар с этим заезженным мохито... Я сжал кулак ещё сильнее, когда закричал звонок, снова он, уши звенят каждый раз от него, как бы далеко я от него ни стоял. Пионеры вбегают словно саранча. Я разжал кулак, дыхание в норме, легкая улыбка и я как они. Кисло-сладкий запах ударил в ноздри, терпеть не могу тушеную капусту, а мне ведь ещё это потом есть. На руке словно гиря весом килограмм не больше, четыре тарелки это мой предел на один поднос. Скребя деревянный стол, покрытый скользкой под камень пленкой, пытаюсь взять второй поднос в руку. Напарник мой взял только один поднос, сразу видно, новичок. Радостные лица, слова спасибо. Этого слова так много, что слово «спасибо» теряет и без того свою хрупкую ценность. Солнце светит на обои, что имитируют кирпичные стены, на которых повешены плакаты с разными надписями. Я на них постоянно смотрю, пока разношу заказы, приятно считать ритм таких стихов, например:

“Если крикнет рать святая:

Кинь ты Русь, живи в раю!

Я скажу: не надо мне рая

Дайте родину мо”

– Акуратнее! – такого не было в стихе Есенина, повернувшись, вижу упавшую тарелку и остатки еды на полу и сидящую на месте девочку. Похоже, она только шла за стол, чтобы поесть. Меня уволят.

– Извините, я вам принесу новую порцию – придется отдать свою. Не дожидаясь ответа, мои ноги зашагали за новой порцией.

– Оголодал уже? – Повар слегка ухмылялся. – Ну на, держи, компот сам возьмешь.

Взяв тарелку с некоторым облегчением, что не придется есть эту тушеную капусту.

Я вернул взгляд к тому месту, где сидела девочка. Главное не уронить, да не уроню я, одна тарелка всего лишь. А точно не уроню? Надо побыстрее отнести и уже пойти к себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.